

УДК 821.161.1

Деулин А. А.¹

**СОТЕРИОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В ОПИСАНИИ
СОБЫТИЙ 6979 Г. В СТРОЕВСКОМ И СИНОДАЛЬНОМ СПИСКАХ
НОВГОРОДСКОЙ IV ЛЕТОПИСИ**

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории.

Deulin A. A.

**SOTERIOLOGICAL AND ESCHATOLOGICAL THEMES IN THE DESCRIPTION OF
THE EVENTS OF 6979 IN THE STROEVSKY AND SYNODAL
LISTS OF THE NOVGOROD IV CHRONICLE**

St. Petersburg State University, Institute of History.

Аннотация. В статье рассматриваются сотериологическо-эсхатологические взгляды, отраженные в Строевском и Синодальном списках Новгородской IV летописи. Автор анализирует комплекс немаркированных цитат финальной части Новгородской повести, посвященной походу Ивана III 1471 г. Среди ее источников выделяются Триодь цветная, молитва Кирилла Философа, Сказание Афродитиана. Их анализ позволил прийти к выводу, что для летописца главным было духовное обновление Новгородского общества, достигаемое путем чистосердечного покаяния. Эти сотериологические представления, как показывается в работе, имели яркий эсхатологический характер. Помимо этого, в статье отмечается значимость образа Великого Поста при изложении событий 1471 г.

Ключевые слова: Новгород, Строевский и Синодальный списки Новгородской IV летописи, Триодь цветная, Страстная Седмица, Великий Пост, Молитва Кирилла Философа, Сказание Афродитиана.

Annotation. The article examines the soteriological and eschatological views reflected in the Stroeovsky and Synodal lists of the Novgorod IV Chronicle. The author analyzes a set of unmarked quotations from the final part of the Novgorod story dedicated to the campaign of Ivan III in 1471. Among its sources are the Color Triodion, the prayer of Kirill the Philosopher, and the Legend of Aphrodite. Their analysis led to the conclusion that for the chronicler, the main thing was the spiritual renewal of Novgorod society, achieved through sincere repentance. These soteriological concepts, as shown in the work, had a vivid eschatological character. In addition, the article notes the importance of the image of Great Lent in describing the events of 1471.

¹ Деулин А. А. — студент кафедры славянских и балканских стран, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории.

Keywords: Novgorod, Stroevisky and Synodal lists of the Novgorod IV Chronicle, the Color Triodion, Holy Week, Great Lent, the Prayer of Kirill the Philosopher, the Legend of Aphrodite.

Среди списков Новгородской IV летописи выделяются Строевский и Синодальный списки, отражающие, по мнению Я. С. Лурье и А. Г. Боброва независимое новгородское летописание [1, с. 238–240; 3, с. 132]. Наиболее ярким в них выступает описание событий 6979 г., связанных с походом великого князя Ивана III на Новгород. Данные списки привлекались историками как при изучении битвы на р. Шелонь, так и при анализе социально-политической конфронтации в Новгороде после упомянутого сражения. В рамках данной статьи укажем прежде всего на мнение Я. С. Лурье, полагавшего, что «летописец сочувствовал новгородским “меньшим людям” и осуждал “лучших”» [3, с. 161]. Среди последних работ выделим также исследования О. Ю. Чирейкиной [4] и Н. А. Демичевой [2], посвященные изучению текста летописи, анализу его внутренней композиции, стиля и т.д. О. Ю. Чирейкина заметила, что часть текста, посвященная осуждению новгородского предателя Упадыша и обращению к Богу с просьбой о заступничестве «проникнута патетикой» [4, с. 77], в ней «автор показывает себя хорошим знатоком риторических приемов, торжественного стиля» [4, с. 77]. Н. А. Демичевой было сделано важное наблюдение о значимости покаяния в летописном изложении событий 1471 г. [2, с. 93]. Исследовательница также с большей осторожностью высказалась о симпатии летописца к «меньшим людям» [2, с. 94].

При этом, мы считаем, что часть летописного текста, посвященная призывам новгородцев к покаянию и просьбе заступничества Бога по отношению к городу является не до конца освященной в историографии. Мы выяснили, что данный фрагмент является компиляцией из цитат, взятых из различных религиозных произведений. Обращение к источникам, которые цитировал летописец, позволит, как нам представляется, лучше понять закладываемые им идеи, выявить особенности *его видения* событий 1471 г.

Летописец приводит призыв, обращенный к новгородцам: «Клятвы оубоявшеся, братіе, плоды покааніа принесемъ» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 448.). Данная цитата заимствована из Триоди цветной и представляет собой фрагмент стихир 8 гласа, поющей на службе за Великий Понедельник: «Изьсохшоую смоковницу за неплодие *прещения оубоявшия братіе* плоды достойны покаяния принесемъ (здесь и далее курсив мой – А. Д.) Христу подающею намъ велию милость» (ОР РГБ. Ф. 272. № 260. Л. 22.).

Данное выражение отсылает слушателя к притче об иссохшей смоковнице, которая

была проклята Христом за то, что он не обнаружил на ней плода. В этот день на службе читается 84 зачало Евангелия от Матфея (ОР РГБ. Ф. 98. № 49. Л. 185 об.), посвященное этой притче. В Синаксаре, содержащем пояснение данного сюжета, говорится, что смоковница символизирует «сынмица иудейска, на ней же подобнаго плода Спась не обрете, тѣчию осеяющее закона» (ОР РНБ. Ф. 351. № 56/1295. Л. 51). Таким образом, стихира об иссохшей смоковнице, дважды повторяющаяся в песнопениях Великого Понедельника, воспринималась в качестве притчи об иудейском обществе, в котором Христос не нашел духовных плодов, только формальное следование Закону без соответствующего нравственного наполнения. Такое понимание цитаты позволяет нам выявить смысл данного оборота в летописном изложении: обращаясь к новгородцам с призывами к покаянию, летописец сравнивает их со смоковницей, то есть с иудейским обществом времен Христа. Показывая их неправедный путь, он вразумляет их на путь истинный, к которому они должны стремиться, чтобы спастись и не облечься на вечное проклятие (Мф.21:19). В Синаксаре дается дополнительное уточнение, подтверждающее наши рассуждения: «есть же смоковъ || ница *душа человека, въсекого духовна плода бесчастна*, въ ней же оутру по настоащей яве жизни, *не обретаа Господь покоа оу нея*, и оусушаеть ю клетвою, и въ *вечныи препущает огонь*» (Там же. Л. 51 об.–52.). Данный комментарий дает пояснение, благодаря которому верующий понимает, что под смоковницей понимается не только иудейский народ, но и в каком-то смысле он сам: в случае, если он не будет иметь духовного плода, он будет ввержен в вечный огонь. Таким образом, в данном фрагменте содержится и эсхатологический смысл, показывающий закономерный итог безнравственной жизни, как для отдельного человека, так и для всего общества в целом. Характерно, что погодная запись летописи за 6979 г. вплоть до рассматриваемой фразы содержит известия о поражении на р. Шелонь, конфликтах в городе, носящих как политическую (в связи со спорами вокруг сторонников и противников великого князя), так и социально-экономическую направленность (проблема дороговизны хлеба). После всех этих известий летописец переходит к рассказу об Упадыше, который, как мы выяснили в другой работе, сравнивается с Иудой, а его преступление против Новгорода приобретает религиозную окраску. Все приведенные свидетельства позволяют говорить о том, что для летописца новгородское общество находилось прежде всего *в состоянии духовного упадка*, социально-экономические проблемы, разгром на Шелони, появление Упадыша – все это было лишь следствием того духовно-нравственного разложения, которое постигло Новгород. Летописец видит лишь один выход из сложившейся ситуации: прямое обращение к Богу, усердная молитва и деятельное покаяние.

В статье, посвященной анализу летописной характеристики Упадыша, было выявлено, что для его обличения летописец использовал цитаты из служб за Великий Пяток, Великую Среду/Великий Четверг и, вероятно, Великую Субботу. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что для автора текста службы Страстной Седмицы играли особую роль. Поэтому мы считаем логичным обратиться к тому, что пелось в эти дни: например, в повечерии Великого Понедельника находится значительное число песнопений, посвященных 24 главе Евангелия от Матфея, которая читалась в этот же день на литургии. Она имеет яркий эсхатологический характер. В ее тексте, помимо всего прочего, содержится указание на один из признаков последних времен: «и тогда съблзвнятся мнози и друугъ друга предасть и възненавидять другъ друга» (ОР РГБ. Ф. 98. № 49. Л. 187 об.). Как мы помним, распри в Новгороде и предательство Упадыша были главными темами в летописном изложении. Если службы Великого Понедельника содержат воспоминание притчи о смоковнице, то службы Великого Вторника посвящены притчам о десяти девах и таланте, которые уподобляются душе человека во Втором Пришествии. Великая Среда посвящена памяти искреннего покаяния блудницы, омывшей драгоценным миром ноги Христа. Ее поступок также должен был служить образцом для каждого христианина. Таким образом, легко заметить, что службы Страстной седмицы буквально пропитаны сотериологическими и эсхатологическими местами, поэтому использование летописцем цитат из них показательно.

Кроме того, заметим, что цитаты из Триоди цветной и выявленные в работе, посвященной образу Упадыша, цитаты из Минеи четъей, связаны с Великим Постом. Помимо темы покаяния, здесь прослеживается иной возможный смысловой пласт: судьба Новгорода как бы сравнивалась летописцем со Страстями Господними: предательство Упадыша, как мы показали в другой работе, сравнивается с предательством Иудой Христа. Новгород подвергается несправедливым нападкам со стороны московских войск и Ивана III, так же как Христос подвергался нападкам со стороны иудеев и Пилата. Таким образом, можно сделать вывод о том, что тема Великого Поста привлекалась летописцем и в качестве сравнительной-объяснительной характеристики текущего положения дел в городе.

После данного увещевания следует фрагмент молитвы. Нами было обнаружено, что ее источником послужила молитва Кирилла Философа. Приведем оба текста:

«Но ты, милостивый Спасе, простри руку свою невидимую, изведи насъ отъ всякого зла и буди намъ смиренъ	«Но Ты милостивый Спасе простри руку свою непобедимую избави мя всякого мучения дай же ми Господи кончину
--	--

помощникъ в день печали <i>нашия</i>, егда вострепещеть душа <i>наша</i>, видящи <i>противныя</i> сии; но ты, милостивый Господе, послѣ <i>намъ</i> отъ вышняго честнаго престола твоего помощь и оружіе непобѣдимое, честныи крестъ, молитвами святыя Богородица и всѣхъ святыхъ» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 448.). (Новгородская IV летопись).	<i>добру в часъ разлучения моего</i> буди ми помощникъ и спаси <i>меня</i> в день печали <i>моя</i> трепещет душа <i>моя</i> видящих <i>противныя</i> силы <i>воздушных мытаревъ по воздуху</i>. Но Ты милостивый спасе послѣ <i>ми</i> отъ вышняго честнаго престола Твоего помощь оружіе непобедимое честныи крестъ...молитвами Пречистыя владычица <i>наша</i> Богородица приснодевы <i>Мариа</i> и святыхъ бесплотных сил аминь» (ОР РГБ. Ф.113. № 405. Л. 190-190 об.) (Молитва Кирилла Философа).
--	--

Самым важным отличием является замена личного местоимения «я» и производных от него форм «мя», «моя», «ми», «моего» на личное местоимение «мы» и производных от него форм «насъ», «намъ», «наша», «нашия». Следовательно, получается, что летописец произносил молитву не только от своего имени, *но от имени определенной группы лиц*. С учетом приведенных выше рассуждений о призывах к покаянию, можно предположить, что данная молитва обращена к Богу *от имени всего Новгорода*. Летописец, таким образом, посылает к Богу коллективную просьбу новгородцев о помиловании и помощи в трудную для них минуту. Отметим также, что он исключил из приводимого им текста те места, которые относятся исключительно к отдельному человеку, например, он убирает фразу о воздушных мытарях и о разлучении души с телом (поскольку мытарства должна проходить каждая душа по отдельности). Так, изначальный смысл молитвы – просьба о заступничестве во время прохождения мытарств после смерти – заменяется на просьбу о заступничестве «в день печали *нашия*», во время нападения «противных сил», под которыми, очевидно, понимались не «воздушные мытари», а войска Ивана III (их образу в летописи будет посвящена отдельная работа).

Рассмотрим возможные причины привлечения *именно этого текста*. Удалось обнаружить, что некоторые места молитвы содержат фрагменты, крайне близкие по смыслу событиям 1471 г. Автор молитвы просит о защите христиан и христианских городов («Помяни Господи вся крестьянскыи родъ и *гради* вся люди живущая всоуду спаси и помилуй неоскудным оружием надели я» (ОР РГБ. Ф.113. № 405. Л. 184.)), о защите от вражеских нашествий и природных бедствий («избави Господи от всякого зла и нужа и печали *глада и меча огня и потопа ото иноплеменникъ нахождения*» (Там же. Л. 184 об.)), о

покровительстве плавающих по воде («Помяни Господи *плавающая на водахъ*» (Там же.)), о помощи людям, находящимся в заточении, изгнании и пленении («Помяни Господи *сушая в темницах и во оузах и бедах и в темницах в стужении*» (Там же.); «Помяни Господи *мучающаяся в тесноте пребывающая...* Помяни Господи *сушая во рвех и во изгнании и в заточении и во всякой нужи и страсех злых пребывающая в горце и работе о у злы осподы*» (Там же. Л. 185.)), о помощи бедным и голодающим («Помяни Господи *ногыя и гладныя*» (Там же.)). Указанные прошения совпадают с событиями 1471 г.: голод из-за дороговизны хлеба, массовые пожары, гибель беженцев во время бури на озере Ильмень, сожжение войсками Ивана III церкви в Руссе, отправка знатных новгородских пленников в заточение в Коломну и т.д.

Обратим внимание еще на два важных обстоятельства. Во-первых, в молитве просящий обращается к Богу с покаяниями, называя себя «недостойный раб», он признает, что погряз в согрешениях и обращается к Богу как к своей единственной надежде на спасение: «Раздреши мя *ныне грешнаго и недостойнаго раба твоего* имрек || как будет иже бо сам связах лютыми грехы иному бо никому разрешити мене грешнаго разве тебе Господи моего Исуса Христа» (Там же. Л. 179–179 об.). В молитве делается акцент на особой греховности человека, надежда на прощение заключается в деятельном и *правильном* покаянии («но покоание мое нечистое и растли имя единою к тебе каюся а многажды прогневаю Тя» (Там же. Л. 179.)), «аще бо восхотевъ приити ко отцу на покоание но отча лица оустыдевся къ грех оутавих а иж забых и не могох всего поведати *тем азъ грешны нарекох ся ложь покаянию*» (Там же.)) Если вспомнить, что летописец использовал фрагмент данной молитвы не от своего лица, а от имени всего Новгорода, то можно предположить, что те строчки, которые мы привели (и которые *должен был знать летописец*), также могли *относится ко всему городу*. Таким образом, употребление фрагмента данной молитвы косвенно еще раз закладывало идею греховности новгородского общества, утверждало, вероятно, формальный характер их покаяния (через исповедь), что пересекается с рассмотренным выше образом иссохшей смоковницы.

Второй важный аспект состоит в эсхатологическом характере молитвы. В тексте говорится о грядущем Страшном суде и ответе за совершенные деяния (например, «избави мя от клеветы *человечьскыя и от огня неугасимаго и зимы несогреемаыя и тмы кромешныя и смрада злаго и червя неоусыпающаго и срезжета зубнаго и лютаго кладезя в он же сходятся различныя муки яже суть оуготованы противу деломъ и мне грешному в ня ж мя злая дела*» (Там же. Л. 190.) – а ведь именно после этих слов следует цитируемый в летописи фрагмент молитвы!). В молитве особое внимание обращается на необходимость обращения

к Богу в контексте грядущего Страшного суда.

Обращение ко Христу, как источнику спасения, прослеживается и в последней части данной повести: «Христось зачало спасенію, конецъ пагубѣ» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 448). Источником данного оборота, как показала Н. А. Демичева, было Сказание Афродитиана [2, с. 93]. В нем цитата имеет следующий вид: «прозываетъ же ся неописанныи младенець начало и конецъ, *начало спасу, а конецъ пагубе*» (ОР РНБ. Ф.п.I.39. Л. 58 об.). Данный апокриф посвящен раскрытию евангельского сюжета о приходе волхвов на поклонение к родившемуся Христу. Факт его привлечение представляется странным: его сюжет не соотносится с летописным нарративом. Н. А. Демичевой было сделано предположение о ее эсхатологическом характере [2, с. 93]. Мы полагаем, что возможен еще один вариант интерпретации: летописец, читавший апокриф, вспомнил его, однако его интересовал в нем не конкретный сюжет, а скорее *идея, которая связана с данным сюжетом*. Известно, что рождение Христа символизирует начало победы над властью греха. Без Христа невозможно окончательное спасение. Именно данная мысль могла заставить его вспомнить этот текст и привлечь соответствующее яркое место из него.

Приведенные выше рассуждения позволяют заметить, что летописец, изображавший противоречия внутри новгородского общества, не принимал ни стороны «меньших», ни стороны «лучших людей». Для него конфликты среди горожан, вне зависимости от их социального статуса и политической позиции, отвращали новгородцев от самого главного – от обращения к Богу. Неудивительно, что после описания внутренних распрей в Новгороде летописец приводит объемный и яркий рассказ об измене Упадыша.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что центральным для летописца в описании событий 1471 г. был вопрос покаяния новгородского общества. В отдельной статье, посвященной новгородским знаменам и образу Ивана III, нами будет показано, что для летописца описываемый им период был периодом, предшествующим Страшному суду. Учитывая это, можно сказать, что выявленный сотериологический пласт, показывает, что призывы к покаянию были направлены не только и не столько к тому, чтобы защититься от угрозы со стороны войск Ивана III, но, чтобы пережить этот трудный час и предстать достойными Богу на Страшном суде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 98. № 49.
2. ОР РГБ. Ф.113. № 405.
3. ОР РГБ. Ф. 272. № 260.

4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 351. № 56/1295.
5. ОР РНБ. Ф. 550. Ф.п.I.39.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М.: ЯРК, 2000. 728 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 287 с.
2. Демичева Н. А. Древнерусские произведения о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства: проблематика, текстология, стиль: дис. ... канд. филологических наук. М., 2020. 237 с.
3. Лурье Я. С. Две истории Руси XV в.: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 238 с.
4. Чирейкина О. Ю. Повести о присоединении Новгорода к Москве в летописях XV–XVII вв. и литературных сборниках: дис. ... канд. филологических наук. Барнаул, 2001. 215 с.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

1. Bobrov A. G. Novgorodskie letopisi XV veka. SPb: Dmitriy Bulanin, 2000. 287 s.
2. Demicheva N. A. Drevnerusskie proizvedeniya o vklyuchenii Severo-Zapadnykh zemel' v sostav Moskovskogo gosudarstva: problematika, tekstologiya, stil': dis. ... kand. filologicheskikh nauk. M. 2020. 237 s.
3. Lurie Ya. S. Dve istorii Rusi XV veka: Rannie i posdnie, nezavisimye i offitsial'nye letopisi o formirovanii Moskovskogo gosudarstva. SPb: Dmitriy Bulanin, 1994. 238 s.
4. Chireikina, O. Yu. Povesti o prisoedinenii Novgoroda k Moskve v letopisyakh XV–XVII vv. i literaturnykh sbornikakh: dis. ... kand. filologicheskikh nauk. Barnaul. 2001. 215 s.

Рецензенты:

Демичева Н. А. – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела древнеславянских литератур ФГБУН Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН).

Филюшкин А. И. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран Института истории СПбГУ.